

Д. С. ЛИХАЧЕВ

О русской летописи, находившейся в одном сборнике со Словом о полку Игореве

Академик С. П. Обнорский высказал предположение о новгородском происхождении рукописи Слова о полку Игореве.¹ В связи с этим не лишним будет заметить, что та русская летопись, которая находилась в одном сборнике со Словом о полку Игореве, была, повидимому, летописью новгородской.

В самом деле, в предисловии к первому изданию Слова о полку Игореве в перечислении статей сборника вторым номером отмечен „Временникъ, еже нарицается летописаніе Русскихъ Князей и земля Руския“.²

Из всех известных русских летописей такое название имеют только списки Новгородской первой летописи младшего извода. Начало новгородской первой летописи сохранилось в Толстовском списке Публичной библиотеки в Ленинграде (F. 6. о. V. № 233). Ее название в этом списке — „Временникъ, еже есть нарицается летописаніе князей князь³ и земля руския...“ Начало другого списка этой летописи — Академического, поступившего в Библиотеку Академии Наук в 1783 г. от В. Н. Татищева (шифр 17. 8. 36), ныне утрачено, и летопись начинается прямо с половины фразы в статье 945 г. Однако во времена В. Н. Татищева она сохраняла еще свои первые листы, и в 8-й главе „Истории российской“ В. Н. Татищева имеются краткие сведения о ней и приведено ее заглавие: „Временникъ, иже нарицается летописаніе русскихъ князей и земля руская“. Это название еще ближе к тому названию русской летописи, которое имелось в оглавлении сборника Слова о полку Игореве, однако, форма последнего — „еже... нарицается...“ — более близка к Толстовскому списку. Так же как в Академическом (татищевском) читается это название и в Воронцовском списке, поступившем в Библиотеку Академии Наук (шифр 31. 7. 31) в 1920 г.: „Временникъ, еже нарицается летописаніе русскихъ князей и земля руская“. Сходные строки читаются и в других редакциях новгородских и московских летописей, зависящих от Новгородской первой младшего извода (з новгородских четвертой и пятой и в Софийских), но во-первых, всюду

¹ „Слово о полку Игореве“: „Очерки по истории русского литературного языка старшего периода“. М.—Л., 1946.

² „Ироническая песнь о походе на ползцов удельного князя Новгорода-Северского Игоря Святославича“. М., 1800, стр. VII.

³ В издании „Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку“ (СПб., 1883), где список этого издан. пропущено слово „князь“.

с добавлением слова „Софийский“ („Съ феискии Временник, еже нарѣчается...“ и т. п.) и, во-вторых, не в начале текста, как его заглавие, а в середине. Отсюда ясно, что летопись, читавшаяся в одном сборнике со Словом о полку Игореве, была, вероятнее всего, Новгородской первой младшего извода.

Просматривая варианты по спискам Новгородской первой летописи младшего извода к Синодальному списку той же летописи, легко заметить, что составитель протографа Новгородской первой летописи младшего извода, в общем довольно строго следовавший старшему изводу, отклонялся от своего оригинала главным образом в сторону некоторой большей литературности изложения. По опискам и некоторым добавлениям в тексте можно видеть, что он был начитанным и образованным человеком. Так, например, под 1255 г. летописец невольно обнаружил свое знакомство со Сказанием о Мамаевом побоище; в тексте „и идущю Олександрю с многыми полкы і с Новоторжци, срѣте и Ратишка с перевѣтомъ“ летописец принял последнее слово за имя героя Сказания инока-богатыря и написал „Пересвѣтомъ“. В другом случае (под 1316 г.) летописец — составитель протографа Новгородской первой младшего извода — сделал ссылку на Повесть о разорении Иерусалима Иосифа Флавия. К рассказу старшего извода Новгородской первой летописи о голоде в новгородском войске он добавил: „якоже древле Иерусалимянѣ, ввегда предасть я (в Акад. и Толст. — а) богъ в рудѣ царю римскому Титу“¹.

К числу чисто литературных припоминаний летописца следует также отнести и известие младшего извода Новгородской первой летописи об основании Шкилом или Шилом в 1310 г. Покровского монастыря на Дубенке. Известие это приводило в смущение всех занимавшихся Повестью о посаднике Шиле и не рассматривавших специально вопроса о появлении этого известия в новгородских летописях.² Исследователи исходили из него как из исторически достоверного. Между тем древнейший — Синодальный — список не имеет под 1310 г. сведений о Шиле, и о построении монастыря; наоборот в нем говорится о построении каменной церкви, что отчасти свидетельствует о том, что монастырь на Дубенке в 1310 г. уже существовал (в Новгороде каменные церкви строились обычно на месте деревянных³). Между тем Новгородская первая летопись младшего извода добавляет к тексту Синодального списка „поставиша церковь на Дубенке Покров святыя богородица, стяжением роба божия Олония мниха“ следующие слова: „нарицаемого Шкила и бысть монастырь, христианом прибежище“. И в данном случае мы имеем, следовательно, литературную реминисценцию автора младшего извода Новгородской первой летописи.

Замечательно, что в одном случае мы можем подозревать знакомство составителя протографа младшего извода Новгородской первой летописи со Словом о полку Игореве. Дело в том, что новгородский наместник в Пскове Вячеслав наделен в младшем изводе Новгородской первой летописи отчеством „Гориславич“. В тексте Синодального списка

¹ Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку. СПб., 1888, стр. 317.

² „Опыт о посадниках новгородских“, М., 1821; Н. И. Костомаров, „Памятники старинной русской литературы Г. Кушелева-Безбородко. вып. 1, 1860; Е. В. Петухов. Очерки из литературной истории Синодика, ОДП, CVIII, 1895; А. де-Витт. Повесть о новгородском посаднике Шиле, Изв. ОРЯС АН, 1913, кн. 2; И. П. Еремин. Из истории старинной русской повести. Повесть о посаднике Шиле, Труды Комиссии по древне-русской литературе, вып. 1, Л., 1932.

³ В. С. Передольский. Новгородские древности. Записка для местных изысканий, Новгород, 1898, стр. 91. Тем самым становится вероятным отнесение исторических событий повести к Иоанну I.

„они же въгонивше въ Пльсковъ, яша Вячеслава, и бивъше его оковаша и“ к имени Вячеслава в тексте Комиссионного списка добавлено „Гориславица“, а в списках Академическом и Толстовском „Гориславича“. До сих пор в исследовательской литературе о Слове о полку Игореве к отчеству Олега „Гориславича“ было приведено лишь две параллели — одна (указана Д. Дубенским) в Лаврентьевской летописи под 1228 г. в прозвище Рогнеды, жены Владимира Святославича, — „Горислава“ и другая (указана Н. Тихонравовым) в Молении Даниила Заточника в известной сентенции: „кому ти есть Переслазь, а мне Гореславль“. Параллель Новгородской первой летописи младшего извода несомненно ближе к Слову о полку Игореве.

Вставка в начале XV в. (время составления протографа младшего извода Новгородской первой летописи) иронического отчества „Гориславич“ могла быть вызвана литературными реминисценциями летописца, сравнившего Вячеслава с Олегом Святославичем Слова о полку Игореве: и тут и там оба героя, несчастные лично, были, вместе с тем, причиной междоусобиц.

В 1232 г. в отсутствие в Новгороде князя Ярослава (отца Александра Невского), воевавшего в Черниговском княжестве, псковичи и явившиеся в Псков новгородцы — противники Ярослава — схватили ярославова наместника Вячеслава, прибили его и заключили в оковы. Волнения были настолько велики, что перекинулись в самый Новгород, Ярослав вернулся и велел схватить псковичей, бывших в Новгороде, и посадить их на Городище, а затем послал сказать в Псков, что он будет держать псковичей до тех пор, пока в Пскове не освободят Вячеслава и не изгонят его противников — новгородцев. Псковичи не послушались слова Ярослава, и вражда продолжалась все лето. Ярослав прекратил торговлю с Псковом и отказался выпустить семьи своих противников-новгородцев. Псковичи выпустили Вячеслава, вражда из-за которого дорого обошлась и новгородцам и псковичам, но розмирье Новгорода и Пскова продолжалось до зимы.

Нам кажется, что отчество „Гориславич“, прибавленное к имени Вячеслава — главного героя новгородско-псковской смуты 1232 г. — такая же литературная реминисценция Слова, как и известное место в послесловии Псковского Апостола 1307 г.: „при сихъ князехъ съящется и ростяше усобицами, гняше жизнь наша, въ князѣхъ которы и вѣци скоротишася человекомъ“.